

ЧИТАЙТЕ КНИГИ ОЛЕГА РОЯ

Мир над пропастью
Муж, жена, любовница
Улыбка черного кота
Дом без выхода
Капкан супружеской свободы
Обещание нежности
Нелепая привычка жить
Амальгама счастья
Обняться, чтобы уцелеть
Украденное счастье
Барселонская галерея
Эдельвейсы для Евы
Мужчина в окне напротив
Сценарий собственных ошибок
В сетях интриг
Галерея «Максим»
Банкротство мнимых ценностей
Вдали от рая
Паутина лжи
Игра без правил
Шаль
Тайна
Искушение
Тот, кто стоит за плечом
Письма из прошлого
Три краски
Одно чудесное пари
Человек за шкафом
Повторный брак

Дочки-матери, или Каникулы в Атяшево
Я тебя никому не отдам
Привет, моя радость!
Двойная жизнь
Фамильные ценности, или Возврату не подлежит
Писатель и балерина
Семь признаков счастья
Маскарад на семь персон
Синдром Атяшево
Не оставляй меня, любимый!
Код личного счастья
Тайный шифр художника
Зов дельфина
Герой ее романа
Верь в меня
Домовой
Запасной козырь
Принцесса отражений
Римские каникулы
Будем как боги
Зеленая тетрадь
Прости
Неслучайные встречи

Дилогия «Белый квадрат»

Лепесток сакуры
Захват судьбы

Трилогия «Три цвета любви»

Три цвета любви
Три ступени вверх
Три судьбы

О Л Е Г Р О Й

ОБНЯТЬСЯ,
ЧТОБЫ УЦЕЛЕТЬ

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р65

Редактор серии *Валерия Горюнова*

Оформление серии *Натальи Каитыкиной*

Рой, Олег.

Р65 **Обняться, чтобы уцелеть : роман / Олег Рой. —**
Москва : Эксмо, 2023. — 320 с.

ISBN 978-5-04-172345-3

Всю жизнь Леонид Голубев посвятил своему делу. Замен он получил имя, благополучие, богатство и... ощущение одиночества и заката жизни. Но что делать, если до сих пор ты не успел увидеть морское дно и родить сына Кольку.

Есть ли хоть какой-нибудь способ подчинить себе время, вернуть молодость? Может, сделать пластическую операцию или заключить сделку с нечистой силой?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-172345-3

© О. Рой, 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

*Памяти моего сына Женечки
посвящается*

Часть I

Глава 1

В которой рассказывается о квартире в особняке и мыслях, которые она навеяла своему будущему владельцу, и о том, что он увидел в старинном зеркале

— Да вы сейчас сами все увидите. Прошу! — Олеся, представитель крупного агентства недвижимости «АРК», распахнула дверь и отступила, пропуская клиента. Леонид сделал было шаг вперед, но один из охранников (Павел, кажется, Голубев вечно их путал) мягко отодвинул его и вошел первым. Мало ли какие неожиданности могли подстергать большого босса за незнакомой дверью.

Телохранители, следующие за ним по пятам; журналисты с их интервью, статьями и этими дурацкими фотографиями («Поверните, пожалуйста, голову чуть вправо и сделайте задумчивое лицо!»); модные поездки и выходы в свет; мишура из стильных гал-

стуков, дорогих часов и роскошных автомобилей — во всем этом он чувствовал привкус ненастоящего, будто и впрямь игрового или киношного. Но что поделаешь, если так принято! Голубев любил свое дело, не представлял себе жизни без него, а внешнюю атрибутику, сопровождающую его работу, воспринимал просто как неизбежное дополнение к ней, скучноватую обязанность, которую никак нельзя переложить на чужие плечи.

Дождаясь приглашения охранника, Леонид от нечего делать рассматривал свою спутницу. Что греха таить, девушка ему нравилась. Стройная, ухоженная, с отличной короткой стрижкой, нарочно выглядящей слегка растрепанной, будто ее обладательница только что подняла голову от подушки, легкая... Однако симпатия Голубева была вызвана не столько ее внешностью, сколько тем, как она вела себя. Другие риелторы, узнав, с кем имеют дело, или принимались лебезить перед «жирным» клиентом, или, наоборот, напускали на себя самодовольный, чтобы не сказать — пренебрежительный вид, дескать, нас «денежными мешками» не удивишь, у нас и покруче народ бывает. Олеся же не впадала ни в ту, ни в другую крайность. Она была вежлива, внимательна и предупредительна, но в то же время держалась с достоинством и некоторой отстраненностью. Такой стиль Леонид наблюдал в Западной Европе и был приятно удивлен, встретив его в Москве. У него действительно было несколько интересных предложений возможного жилья в столице, но первым он решил посмотреть именно этот вариант от агентства «АРК». Конечно, ему понравилось, что квартира

занимает половину этажа в старинном особняке с небольшим садом за художественной оградой, да еще не где-нибудь, а на Бульварном кольце. Сыграло свою роль и то, что Голубев давно знал владельца «АРКа» Витю Волошина¹. Но все-таки — Леонид вынужден был себе признаться — более всего на его выбор повлияла именно Олеся.

Она стояла рядом с ним спокойно, с естественной улыбкой, не выражала нетерпения или недовольства и не пыталась обязательно заполнить возникшую паузу никчемной болтовней.

«Сколько ей может быть лет? Около двадцати пяти, а то и меньше... — думал Леонид, любуясь точеной фигуркой и длинными стройными ножками, затянутыми в высокие сапоги на шпильке — роста девушка была не слишком высокого. — Ну да, родилась в начале восьмидесятых, и назвали ее наверняка в честь модной песни, по которой мы все тогда с ума сходили. Как там... «Олеся, Олеся, Олеся — так птицы кричат в поднебесье...» Значит, я старше ее больше чем на тридцать лет. Она могла бы быть моей дочерью. А я, старый хрен, стою тут и облизываюсь... Правду в народе говорят — седина в бороду... Черт, как же быстро прошла жизнь! Ничего почти не успел, кроме работы, ничего и не видел, толком, можно сказать, и не жил — а уже пора на свалку!»

Он торопливо отвел глаза, точно боялся, что юное создание сможет прочесть его мысли, и принялся оглядываться по сторонам.

¹ О происшедшей с Виктором Волошиным, владельцем риелторской компании «АРК», загадочной и таинственной истории рассказано в романе Олега Резепкина «Вдали от рая».

Площадка освещалась лампами дневного света, хотя в тот момент в этом не было никакой необходимости — через узкое высокое лестничное окно в особняк заглядывало не по-осеннему яркое солнце. Голубев любовался массивными деревянными перилами, которые, очевидно, не так давно отреставрировали и покрыли лаком, потом перевел взгляд на мраморные ступени, когда-то белые, но приобретшие от времени благородный оттенок слоновой кости. Лестница была в полном порядке, но при этом ступени выглядели слегка стертymi, точно просевшими под грузом воспоминаний... Моды, люди, правительства, эпохи менялись — а особняк на Бульварном кольце все стоял и, судя по всему, рушиться не собирался.

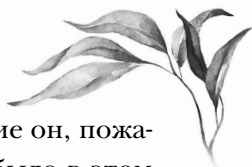
«Может, и правда это хорошая идея — поселиться в таком старом доме? — подумал с усмешкой Голубев. — По сравнению с ним я щенок. Ну что такое мои пятьдесят семь на фоне вечности? Этому особняку как минимум втрое больше...»

Ему захотелось поделиться своими мыслями с Олесей, но он не стал этого делать.

— Когда, вы говорите, был построен дом?

Ответить девушка не успела — в кармане его пиджака запиликал мобильник.

— Леонид Николаевич, это вас с телевидения беспокоят, — пропел голос настолько манерный, что Голубев даже не сумел понять, кто с ним говорит — мужчина или женщина. — Хочу напомнить, что мы ждем вас сегодня в «Останкино», в семнадцать ноль-ноль, на съемки ток-шоу.

Среди всей этой показухи телевидение он, пожалуй, не любил более всего. Ему трудно было в этом признаться даже себе, но держаться перед камерой спокойно Голубев так и не научился. Сколько уже было этих передач — а все равно каждый раз колени дрожали, голос срывался, а лоб и ладони были липкими. Приходилось держать себя в руках, тщательно скрывать неуверенность и в сотый раз принимать участие в беседе о проблемах производства в России, снова и снова выслушивать смертельно надоевшие вопросы о том, как ему, владельцу одного из немногих действительно процветающих отечественных промышленных предприятий, удастся удерживать свое детище на плаву. В зависимости от типа передачи Голубев то долго и подробно рассказывал, оперируя схемами и цифрами, то ограничивался заранее заготовленным кратким и остроумным замечанием, но про себя знал единственно верный ответ, который никогда не озвучивал: разве может не принести успех дело, которому ты посвятил себя целиком? Его предприятие, которое он продолжал называть для себя Заводом — хотя оно вот уже много лет как разрослось в огромную холдинговую структуру, включавшую не только производственный комбинат, но и крупную проектно-инвестиционную компанию, надежный банк, разветвленную сеть реализации, — было для него не просто работой. Долгое время вся его жизнь заключалась только в этом. Завод занимал все время бодрствования Голубева и даже снился, заменил семью, друзей и хобби. Так было до тех пор, пока в один совсем не прекрасный день Леонид, стоя перед зеркалом в ванной, вдруг

с ужасом не осознал, что как-то быстро и совершенно незаметно для себя состарился. Подтверждением тому стало не только его седое и обрюзгшее отражение в зеркале. Вдруг начала подводить память, испортились сон и аппетит, пропали силы во всех смыслах этого выражения и, в довершение всех бед, резко ухудшилось здоровье. Возраст напоминал о себе все чаще и бестактнее — несколько раз Голубева прямо со службы, после трудных переговоров или бурного заседания, увозили в больницу на «Скорой помощи». Врачи обнаружили целый букет недугов: гипертонию, сосудистые заболевания и, самое неприятное, спазмы головного мозга. Последний приступ был особенно тяжелым. Леонид еле выкарабкался и, вняв наконец настойчивым рекомендациям врачей, недвусмысленно указывавшим на серьезность положения, изменил привычный образ жизни. Не сразу, конечно, — поэтапно. Потихоньку он начал отходить от дел, переключать часть обязанностей на плечи помощников и заместителей, стал бывать на Заводе все реже и реже. Первое время, находясь вдали от своего детища, от привычного стола и кресла в родном кабинете, от зала заседаний с отделанными темным дубом стенами, от «конторы» — выстроенного еще в позапрошлом веке здания, где находилась администрация, от шумных грохочущих цехов, он чувствовал себя крайне неудобно, не зная, куда деваться и чем заняться. Вне Завода родной провинциальный город казался скучен и бесполезен. Леонид захандрил и впал в депрессию. Не радовали ни путешествия, ни покупка виллы на берегу Адриатического моря, ни строительство яхты — на

душе становилось все сквернее. Но неожиданно выручила Москва, где активно развивалось и столь же активно работало представительство его компании. Только в Москве, в ее суматохе и блеске, он, как ни странно, чувствовал себя вполне комфортно и, погружаясь с головой в столичную суету, напрочь забывал обо всех своих проблемах. Здесь все выглядело как-то по-другому, здесь в нем просыпалась жажда жизни. И Голубев зачастил в столицу. Поездки «в люди», как он это называл, становились все более регулярными и длительными, и в какой-то момент ему надоело таскаться по отелям и съемным квартирам. Леонид решил обзавестись собственным жильем и окончательно осесть в Первопрестольной.

Ему хотелось поселиться именно в центре, в гуще событий, в «муравейнике», чтобы даже ночью слышать гул мегаполиса, постоянно ощущать биение жизни. Об особняке на Рублевке он и слышать не хотел — не для того срывался с насиженных мест, чтобы поменять одну деревню на другую. Общество соседей мало интересовало Леонида, а свежего воздуха он по горло наелся в родных пенатах.

— Все чисто, можно входить! — доложил появившийся в дверном проеме телохранитель.

Голубев, а следом за ним и остальные охранники двинулись в квартиру. Замыкала шествие Олеся, снова вернувшаяся к роли гида.

Предполагаемое московское жилье встретило их прохладой и тишиной. Шаги звучали в пустом пространстве неестественно громко, а голоса отдавались эхом где-то под высокими лепными потолками.

— Квартира, как вы и хотели, сто сорок два метра. — Голос у Олеси был низкий и приятный. — Прихожая-холл, четыре комнаты, ванная и кухня...

Голубев с интересом осматривался. Если уж человек в пятьдесят семь лет решается начать новую жизнь, выбрать жилье следует особенно тщательно.

Квартира понравилась ему с первого взгляда. Просторная, уютная, несмотря на недавно сделанный современный ремонт, каким-то непостижимым образом сохраняла дух старины. Впрочем, к чести того, кто приводил это помещение в порядок, следовало отметить, что сделал он это осмотрительно, так как понимал, что новый хозяин переменит здесь все.

— Вот тут, направо, самая большая комната, тридцать восемь метров, она отлично подойдет для столовой... — вела экскурсию Олеся. — Здесь можно даже устраивать небольшие приемы, человек на двенадцать-пятнадцать.

Леонид усмехнулся про себя. Какие приемы, солнышко, какие гости? Бизнесмен Голубев в роли радушного хозяина — это абсурд, ему проще представить себя штурмующим горные вершины или опускающимся с аквалангом на дно моря, что было его давнишней мечтой. Общительностью он никогда не отличался. Смолоду был застенчив, стеснителен, особенно с девушками. Оттого и женился поздно. Более того, эта неловкость с противоположным полом отчасти сохранилась до сих пор. Он так и не научился нужным образом вести себя с женщинами, перед сдержанными робел, а настойчивых боялся как огня. Оттого и продолжал носить обручальное

кольцо — на всякий случай, хотя после развода прошло уже восемнадцать лет. Жену он, как ему казалось, любил, но сохранить семью не сумел — никакая женщина, даже такая мудрая и терпеливая, как Валечка, не сможет смириться с тем, что муж совершенно не обращает на нее внимания, почти не разговаривает с ней, практически не бывает дома и двадцать четыре часа в сутки думает только о работе. Тогда-то ему казалось, что он делает все правильно и существует именно так, как и должен существовать... Но только спустя много лет, и то не сам, а с помощью друга Георгия, Леонид осознал, что долгие годы просто-напросто прятался в свое *Дело*, как устрица в раковину, отгораживаясь створками от остальной жизни. После развода его личная жизнь не сложилась. Была еще одна любовь, пожалуй, даже большая, но из нее не вышло ничего хорошего...

— Обратите внимание на колонны и лепнину на потолке — все старинное, только, разумеется, отреставрированное. — Тонкая ручка с дизайнерским маникюром взметнулась вверх. — Как и паркет, это мореный дуб, ему больше ста лет, но он в отличном состоянии.

«А девочка действительно очень мила... Может, предложить ей встретиться, потом, когда все эти квартирные хлопоты закончатся? А что? Я человек свободный, как Жорка выражается, холостой-незарегистрированный, имею право... Интересно, она согласится?»

— Теперь попрошу сюда. Это тихая комната, окна выходят в сад — посмотрите, какой приятный вид, летом тут все буквально утопает в зелени, и шума

почти не слышно... На ваше усмотрение тут можно будет сделать кабинет, гостиную или библиотеку.

— Камин работает? — поинтересовался Голубев, легонько постучав заостренным носком туфли по ажурной решетке.

— Да, мы недавно проверяли. Вот даже кочерга осталась. — Олеся изящно склонилась над очагом и зачем-то поворошила остатки пепла. Короткая кожаная курточка слегка задралась, и Леонид невольно задержал взгляд на ее бедрах, обтянутых черными брючками. Ему очень понравилось, что пояс брюк доходил у девушки до самой талии — современную моду на штаны с коротким и широким верхом, которые при малейшем движении чуть ли не полностью открывали ягодицы и трусы-стринги, Голубев не выносил.

— Теперь пройдемте к дальним комнатам. Любую из них вы можете сделать спальней...

Две оставшиеся комнаты были поменьше, окна тоже выходили в сад. Определенно ему нравилась эта квартира!

— Лично я предпочла бы для спальни вот эту, а в соседней устроила бы гардеробную, — продолжала Олеся. — Она побольше, и там сохранилось великолепное старинное зеркало.

— Зеркало? — переспросил Леонид, чуть поморщившись. С недавних пор он стал с неприязнью относиться к зеркалам — слишком уж безжалостно они напоминали то, о чем думать вообще бы не хотелось...

«Ну, хорошо, ухаживания, рестораны, цветы, подарки — это все понятно. А что будет, когда,

по Жоркиному выражению, дело дойдет до дела? Боюсь, как бы ни была она хороша, с ней с первого раза тоже может не получиться... И как она тогда себя поведет? Открыто выразит недовольство? Промолчит, но скорчит гримаску? Или начнет утешать и подбадривать — ничего, мол, со всеми бывает?»

— Да. Дизайнеры его оставили, потому что оно очень хорошо сохранилось, хотя ему тоже больше ста, а то и ста пятидесяти лет. Помните, я вам уже рассказывала, что этот дом был выстроен в середине девятнадцатого века князем Загоскиным, двоюродным дядей когда-то очень известного, а сейчас забытого писателя? Но позже князь разорился, его имущество пошло с молотка, особняк стал переходить от одних хозяев к другим...

Эта дежурная лекция уже начала утомлять Леонида. Он сам отворил дверь в последнюю комнату, вошел — и тут же замер на месте. «Бог ты мой, да это же... Я?!»

Навстречу ему из противоположной стены шагнул... он сам. Но только не нынешний Леонид Голубев в возрасте под шестьдесят, крупный промышленник, владелец огромного холдинга, шикарно одетый, в стильных очках, обрюзгший, с морщинами, поредевшими седыми волосами и выпирающим животом, а тот Леня, которым он был более четверти века назад — худой, с пышной шевелюрой и застенчивой улыбкой, в джинсах «Леви Страус» и в тонкой ярко-синей синтетической водолазке, Валечка называла ее цвет васильковым. Точно, эту водолазку подарила Валя на тридцатилетие, они тог-

да еще только-только поженились! А джинсы привез из-за границы дядя Саша, друг отца... И вот этот самый Ленья, в этих самых новеньких джинсах и водолазке, которые давно уже где-то сгнили, теперь открывал дверь в стене напротив и входил в комнату с выражением любопытства на свежем молодом лице. Выражением, которое, впрочем, тут же сменилось удивлением и даже ужасом.

— Едрена мать! — ахнул Голубев.

Встревоженная охрана тотчас кинулась к нему.

Олеся попыталась их успокоить:

— Извините, я еще не успела предупредить... Это зеркало, о котором я говорила. Оно расположено напротив двери. А Леонид Николаевич просто не ожидал его увидеть...

Зеркало. Это действительно было зеркало, огромное, занимавшее чуть ли не полстены, обрамленное резной дубовой рамой, широкой, в две ладони, как на старинных картинах. И тот, кто померещился Голубеву в зеркале, был просто отражением, но отражением, словно переносящим его владельца на четверть века назад. «Черт, этого же не может быть! Я что, схожу с ума?»

Голубев зажмурился и прислонился к стене.

— Что с вами, Леонид Николаевич?

— Вам плохо?

— Вызвать врача?

— Блин, тут даже присесть некуда!..

Он открыл глаза и сделал успокаивающий жест.

— Тихо, ребята, все нормально!

Повернулся к девушке и проговорил, извиняясь:

— Голова слегка закружилась. В мои годы, знаете ли, это бывает... Давление, сосуды не в порядке...

Вы, Олесечка, даст бог, еще долго с этим не столкнетесь... Вам ведь года двадцать три?

— Двадцать четыре.

— Ну, вот видите... В вашем возрасте люди еще не понимают, что значит слово «здоровье»...

Леонид говорил и говорил, пытаясь отвлечься на пустую болтовню, а сам все не решался вновь взглянуть в зеркало — что-то отразится в нем на этот раз?..

— Вам правда лучше? Может, все-таки врача? — Тревога и участие на ее лице казались искренними.

— Не беспокойтесь.

И он все-таки отважился. Сгруппировался внутренне, точно перед прыжком в холодную воду... и снова заглянул в зеркало.

Он увидел комнату, полуоткрытую дверь, дубовый паркет, лепнину на потолке, белые тисненные обои и выходящее в сад старинной формы окно. Увидел столпившихся охранников и тоненькую фигурку Олеси, повернутую к зеркалу в три четверти оборота. А в центре этой композиции он снова увидел самого себя — но уже сегодняшнего, со всеми современными атрибутами, включая очки, залысины и серый костюм, сшитый на заказ в Лондоне.

Конечно, то, что ему почудилось несколько минут назад, просто обман зрения, галлюцинация — но, черт возьми, какой же явной, отчетливой и реальной она была! Он ведь не просто увидел со стороны молодого себя, он будто бы на миг снова вернулся в те далекие года, в самое начало восьмидесятых, когда не был еще директором Завода, да что там, даже мечтать об этом не смел! Когда были еще живы отец

и мама, когда он был с Валечкой и думал, что впереди еще много-много времени...

«А ведь в душе я остался прежним, — пронеслось в голове у Голубева. — Несмотря на все эти годы, опыт, все то, что было сделано, пережито, несмотря на борьбу, взлеты и падения... Я все тот же, и мне все еще тридцать!»

Но из зеркала на него глядело сегодняшнее отражение...

«Ну вот, у нас с тобой уже галлюцинации начались, — мысленно сказал ему Леонид. — Ну, ничего страшного, бывает, переутомился. Вот переберусь сюда насовсем и на некоторое время вообще забуду о делах. Приведу в порядок квартиру, сделаю ремонт, обставлю все тут на свой вкус... Буду ходить в театры, на выставки, в музеи, чаще встречаться с Жоркой, Инной...»

— Ну как вы? — осторожно поинтересовалась Олеся. — Вам лучше? Хотите продолжить осмотр? Или вам сейчас все-таки лучше поехать в гостиницу?

Голубев кинул быстрый взгляд на часы.

— Да, пора. Мне сегодня еще на телевидение... Хотелось бы немного прийти в себя перед эфиром.

Девушка заметно огорчилась:

— Как жаль... Вы ведь еще не видели кухню, ванную... Ванная комната здесь — настоящее произведение искусства!

Леонид улыбнулся и пожал тоненькую руку:

— Думаю, успею еще вдоволь налюбоваться и кухней, и ванной. Я покупаю эту квартиру. Так что можно все оформить. Только сделайте все как можно быстрее, идет?